

ИСТОРИЯ

Город для восхищения

В Германии есть город, который можно считать одним из мест прописки русской литературы. В Баден-Бадене жила и творила целая когорта великих русских писателей XIX и начала XX веков. И сегодня русская речь звучит едва ли не на каждой его улице. О Баден-Бадене рассказывает **Татьяна Фирсова**, лауреат Премии имени Петра Бёниша.

Как-то я спросила своих двух немецких друзей, что они думают о Баден-Бадене. «Это кажется где-то рядом с Францией? Скучно. Курорт», — задумчиво протянули оба. Интересно, что культурный русский никогда не скажет о Баден-Бадене с равнодушием. Этот городок на водах стал «центром европейской цивилизации» для русских с конца XVIII века, после женитьбы Александра Первого на баденской принцессе Луизе Марии Августе, принявшей в православии имя Елизаветы Алексеевны. Вскоре после этого на те самые воды потянулась вереница гостей из России: известно, что в Баден-Бадене бывали декабристы, писатели, видные военные. Благодаря Баден-Бадену отдых на водах вошел в моду. Для состоятельных российских дворян в течение почти 200 лет курорт был тем, чем чуть позже стали для их современных земляков Ментона или Карловы Вары. Нынешние побратимы немецкого города — Сочи и Ялта. Их с Баден-Баденом объединяют красота природы, память о визитах представителей царской семьи и бомонда, целебный воздух, хорошее вино и развлечения. Не побывать в Баден-Бадене, не пожить там какое-то время для дворянина из России XIX века было почти что неприлично.

Перечисления одних только имен классиков русской литературы, которые бывали в Баден-Бадене, займет не одну страницу. Оценки, которые они оставили городу в личной переписке, говорят о том, что в Баден-Баден ездили не столько лечиться, сколько проводить время. В 1836 году Николай Гоголь пишет письмо матери: «Теперь я живу на знаменитых водах баден-баденских, куда заехал только на три дня и отсюда уже три недели не могу выбраться. Встретил довольно знакомых. Больных серьезно здесь никого нет. Все приезжают только веселиться. Местоположение города чудесно. Он построен на стене горы и сдавлен со всех сторон горами. Магазины, зала для балов, театр — все в саду. В комнату здесь никто почти не заходит, но весь день сидят за столиками под де-



ревьями. Горы почти лилового цвета даже изблизи. Между гостями есть много известных европейских лиц».

Все знают, что в Баден-Бадене бывал Федор Достоевский, но сказать, что он там отдыхал, я не рискну, хотя ехал он туда именно за этим — отдохнуть и поправить нервы. В 1863 году он пишет писателю Ивану Тургеневу такие строки: «Вы пишете, что намерены прожить в Баден-Бадене все лето. Знаете ли, что, может быть, мы с Вами и увидимся в Бадене. Я прошусь за

границу и имею надежду, что поеду. Я очень болен...» Неприятности постигли тогда Достоевского в другом курортном городе — «проклятом Висбадене», как он писал своей возлюбленной Аполлинии Суловой в 1865 году. После катастрофы в казино у него не было денег даже на то, чтобы оплатить почтовую марку. В 1867 году писатель снова приезжает в Баден-Баден и снова проигрывается. В замечательном письме поэту Аполлону Майкову Достоевский отзывается о городе не



В Баден-Бадене навечно осталась память о живших здесь русских писателях (слева — бюст Ивана Тургенева, справа — Федора Достоевского) и о пагубной страсти некоторых из них

Все трое оставили воспоминания о войне, но самые замечательные, пожалуй, написала Мария (Мисси) Илларионовна. Ее записи опубликованы под названием «Берлинский дневник»: в них подробно описана жизнь сестер в Берлине до и во время Второй мировой войны.

Сегодня же если вы заглянете в интернет, то увидите, как восхищенно относятся к Баден-Бадену российские туристы. Здесь им, кажется, нравится все: термы, сады и парки, казино и рестораны. Многие пишут об удобном расположении города: из него легко добраться в Кельн, Бонн, Штуттгарт, во Францию. Может быть, когда-нибудь по этой переписке в онлайне наши потомки будут судить об отношении русских к Баден-Бадену, как мы сегодня судим о нем по письмам из XIX века. Важно, что Баден-Баден по-прежнему остается городом, о котором очень хочется высказаться.

ЭССЕ

С русского на немецкий — и не только

Берлинская переводчица **Урсула Келлер** недавно перевела на немецкий язык «Сивцев Вражек» Михаила Осоргина и «Чья вина» Софьи Толстой. Для «Д» она написала о том, как одно слово становится ключом к целому культурному пространству.

Жизнь переводчика — не благодарная штука. Человек свободной профессии и крепостной одновременно, переводчик изо дня в день борется со словами и чужого, и собственного языка, пытается обойти многочисленные рифы и доставить все то, из чего складывается текст, из одного языкового мира в другой. По существу, такую доставку невозможно произвести совсем без потерь, ведь необходимо перевезти не только языковой, но и культурный груз, продукт другого жизненного мира. А это практически недостижимо. Межкультурные различия начинаются с различия представлений, связанных со словами и понятиями, и с разницы в их значениях. Или все одинаково представляют себе «стол», «стул» и «хлеб»? Следовательно, какая-то часть драгоценного груза, передаваемого переводчиком на доставку, теряется в пути.

Итак, перевод всегда может быть лишь попыткой приблизиться к оригиналу, и некоторые утверждают, что он в принципе невозможен. Тем не менее люди не могут обходиться без переводов. И без тех, кто отказывается совершить прыжок через ров между двумя культурами и каждый день делает это снова и снова, невзирая на то, что при этом ему без конца приходится склонять себя к компромиссам, порой сомнительным.

Кто-то однажды сформулировал принцип: то, что переводчик не понимает, он не вправе переводить. Но когда можно быть вполне уверенным, что мы что-то действительно понимаем? Даже общение на родном языке достаточно часто приводит к недопониманию. Так как тогда можно быть уверенным, если понять нужно язык неродной? Возможно, это важнейший инсайт: переводчик никогда не вправе быть в чем-то уверен! Даже когда все, казалось бы, ясно, нужно задавать вопросы.

В домах русских раньше можно было увидеть так называемые лежан-

ки (lezanka) — согласно словарю, по-немецки это ofenbank (то есть «печная скамья»). Но ofenbank, знакомая по немецким домам, — это скамья для сидения, пристроенная по периметру вокруг большой, обложенной кафелем печи. А русская лежанка представляет собой спальное место, пристроенное сбоку либо расположенное на самой печи, которая сохраняла тепло в течение всего времени сна. «Печи (у русских) очень большие и долго сохраняют тепло, — говорится в примечании к первому изданию немецкого перевода сборника русских сказок, опубликованного Антоном Готхельфом Дитрихом в 1831 году. —

То, что переводчик не понимает, он не вправе переводить

Поэтому зимой они служат в качестве спального места для целых семей, которые в отсутствие перин и хороших матрасов вынуждены искать теплое ложе для ночлега.

Таким образом, передача русского слова «лежанка» в немецком языке невозможна без потерь. Поскольку языкового эквивалента у немцев не существует, приходится прибегать к описательному переводу наподобие «спальное место на печи». Этот компромисс воздаст дань уважения разнице между жизненными мирами и не превращает русскую избу в кате, то есть типичный дом немецкого крестьянина.

Русская лежанка — это только один пример из многих, иллюстрирующий работу переводческого фабрики слов. Что ж, кто-то может увидеть недостаток в вынужденной необходимости «идти на уступки» в форме таких парафразов. Но в действительности такой подход обогащает, ведь одно-единственное слово открывает для нас чужие культурные пространства, а перевозчик «печной скамьи» —

переводчик — является тем, кто пользуется привилегией чувствовать себя как дома в обоих этих культурных пространствах и выступать в качестве посредника между ними.

«Лучший переводчик должен прекрасно уметь объяснять», — верил Иоганн Готфрид Хердер. И поскольку просто «доставить» содержание из одного языка в другой не всегда оказывается возможным, периодический для этого приходится прибегать к примечаниям и ссылкам, которые как бы формируют добавленную стоимость перевода.

Новатором в подходе к культурно-историческому комментированию был писатель и переводчик Владимир Набоков, который чувствовал себя как дома в трех языках. Он перевел пушкинский роман в стихах «Евгений Онегин» на английский язык, совершенно осознанно отказавшись при этом от рифмованного слога, поскольку считал, что перевод в стихотворной форме никак не сможет соответствовать уровню оригинала. И он сопроводил свой «перевод» объемным и в высшей степени остроумным комментарием по всем литературным, биографическим и историческим аспектам, не испортив тем самым удовольствие от чтения «Евгения Онегина», притом что комментарий примерно в четыре раза длиннее самого пушкинского шедевра.

Так что перевод — это не всегда только потери. Утраченное в одном месте компенсируется в другом, пусть даже в форме комментариев. И в результате рождается некое новое целое, которое хоть и не является точной копией оригинала, но и не пытается претендовать на это.

От редакции: «Диалог» благодарит замечательных переводчиков, работавших над этим выпуском газеты: Владимира Широкова, Барбелю Саше, Викторию Кирстен, Александра Королькова, Арно Ланге, Анну Камаеву и Ельке Вальтер.



Deutsch – Russische
Auslandshandelskammer
Российско – Германская
Внешнеторговая палата



Deutsche Auslandshandelskammer

Кратчайший путь к цели.



Реклама

- > Поиск деловых партнеров
- > Подбор персонала
- > Легализация иностранных сотрудников
- > Поиск производственных площадок
- > Организация мероприятий
- > Размещение рекламы в изданиях ВТП

ООО «Центр Информации немецкой экономики»

Ваше контактное лицо

в Москве
Владимир Никитенко
nikitenko@DEinternational.ru

в Берлине
Катарина Шёне
schoene@DEinternational.ru

в Санкт-Петербурге
Елена Иевлева
ei@petersburg-ahk.ru



Немецкие стандарты. Российский опыт.